

Кубанычбек Маликов

ГОЛОС СО СКАЛЫ

ПОЭМА

*Перевод с киргизского
Ирины Волобуевой*

Советский писатель
Москва 1973

В этой поэме рассказывается о
работах по строительству ГЭС на
реке Нарын, о рабочем мужестве
и дружбе, о верной молодой любви.

© Перевод на русский язык, «Советский писатель», 1973 г.

ГОЛОС СО СКАЛЫ

I

Повсюду, куда простирается взор,
Пятнисты, как барсы, хребты этих гор,
И тихо на склонах колышутся ели,
И с ветром чуть слышный ведут разговор.

И солнце над высями каменных круч,
Как будто сжимаясь, вдруг прячет свой луч
И, робко мигая оранжевым глазом,
Скользит еле-еле меж дымчатых туч.

Высок, светлоглаз, с небольшой бородой,
Привыкший бродить здесь и в холод и в зной,
Ступает Антон по скалистым уступам,
Легко поднимаясь дорогой крутой.

Он видит скалистых вершин высота
То цвета зари, то бела, то желта.
Каких только нет здесь оттенков и красок,
Не солнце ль им радуги дарит цвета?

А позже, как ночи в горах наступить,
Здесь станет свет лунный снега серебрить.
А днем с их макушек, горящих как пламя,
Не хочет усердное солнце сходить.

Киргизские горы, вы так высоки!
Отважному — братья, а трусу — враги.
В безмолвии гор, словно в сказочном царстве,
Неспешны, безмолвны Антона шаги.

Вот он на вершине. Внизу, под скалой,
Бушует Нарын, своенравный и злой.
Антон размышляет: «Не легкое дело —
Померяться силой с такою рекой!

То словно натянута светлая гладь,
То пена сгущается, сливкам под стать.
Сдается, всю силу хребтов Ала-Тоо
Задумал Нарын в свои воды вобрать.

Нарын, ты свиреп, словно злой великан,
Как взбешенный лев, что попался в капкан,
Ты словно бы вдруг заблудившийся в скалах,
Зажатый громадами их, океан.

Но, как бы ты ни был опасен и крут,
Здесь все ж Токтогульскую ГЭС возведут.
Мы сделаем все, чтобы в схватке с тобою
Победу добыл человеческий труд!

Нарын, ты в упорстве строптивом не прав,
Мы в силах смирить твой воинственный нрав!»

...Вдруг выстрел в горах молчаливых раздался,
Внезапно раздумья Антона прервав.

С вершины, как с неба, потока быстрее,
Сорвавшись, посыпались груды камней
И слились в лавину, гремя по ущелью
То глухо, то дробно, как топот коней.

И смотрит вокруг удивленный Антон:
«Откуда же выстрел?» Тревожится он.
«Не с той ли скалы, что крутою вершиной
Всех выше ушла в голубой небосклон?»

Пред взором его незнакомец возник.
Но как он в глухие ущелья проник
И как он поднялся на эту вершину,
Куда мог взобраться лишь дикий киик¹?

Совсем молодой, худощавый джигит
(Ушанка, давно потерявшая вид),
Взваливши козла на широкие плечи,
К Антону пройти напрямик норовит.

Шагает охотник со склона на склон,
Негаданной встречей в горах удивлен.
— Мерген² Таштанбек, — он назвался, приблизясь.
— А я — инженер. Мое имя — Антон.

¹ Киик — горный козел.

² Мерген — охотник.

И встречный Антону охотно весьма
Поведал, что он из Сая-Куюлма¹:
Работал бурильщиком, строил дороги,
Пока не пришла со снегами зима.

Антон оживился: — Скажи, Таштанбек,
Встречался когда-нибудь здесь человек,
Который бы рушил скалистые горы?
— Об этом, поверь, я не слышал вовек!

Антон засмеялся: — Видать, ты хитер!
С тобой интересно вести разговор.
Наверно, поешь ты веселые песни,
Охотник — хозяин ущелий и гор?

В глазах Таштанбека искринками свет.
С улыбкой сказал он Антону в ответ:
— Ошиблись, аке, у меня — Таштанбека —
Таланта певца, к сожалению, нет.

Зато, словно бритва, отточен мой взор,
Я с детства, как лис осторожный, хитер!
А голос совсем и не нужен мергену,
Немым надо быть, в тишине, среди гор.

Индейка со свистом тревожно поет,
Зафыркав, кулан² осторожно поет,

¹ С а я - К у ю л м а — название деревни.

² К у л а н — дикая лошадь.

Чихая, козел свою песню проблеет,
Покуда охотник крадется вперед.

Прислушавшись, чуткие уши поют,
Прищурясь, глаза, не моргнувши, поют,
И шапка-ушанка поет у мергена,
Коль ветры прохладой ее обдают.

Пригнувшись, крадется мерген каждый раз
Почти не дыша и бесшумно, как барс,
Который, почуя вблизи кайберена¹,
Готовится прыгнуть на жертву тотчас.

Не чувствуя согнутых рук и колен,
В засаде сидит, притаившись, мерген.
Но выстрел ружья не раздастся, покуда
Не выберет нужного мига мерген.

В глазах у Антона сверкнул огонек:
— Пока ты давал мне охоты урок,
Нашел я, мерген, человека такого,
Который бы рушить нам скалы помог!

И он поглядел на джигита в упор:
— Охотником был ты, храбрец, до сих пор,
Но можешь, поверь мне, ты силой своею
Померяться с силой Нарына и гор!

Ответил мерген: — Человек я простой,
А ты говоришь, как с ученым, со мной!

¹ К а й б е р е н — рогатое животное.

Я только мерген. Но с пустыми руками
С охоты не возвращался домой.

Антон затянулся табачным дымком:
— Хоть мало со мной, Таштанбек, ты знаком,
Послушай меня, — это важное дело,
Иди к нам учиться, чтоб стать взрывником.

Ты бродишь в горах и в жару и в пургу,
Чего на своем ты добился веку?
Иди к нам в бойцы для сраженья с природой,
Не бойся! Во всем я тебе помогу!

Подумал мерген, любопытством горя:
«Наверно, уверенно так говоря,
Не просто бросается встречный словами,
На стройку меня приглашает не зря!

Видать по всему — человек деловой,
А может быть, даже начальник большой!»
Антон прикоснулся к плечу Таштанбека:
— Смотри, как сверкает Нарын под скалой!

И видят: внизу, где темнеет земля,
Могучей волною едва шевеля,
Устав ударяться о дикие скалы,
Нарын извивается, словно змея.

И там, где он узким ущельем зажат,
В воде его ранние звезды дрожат.
И мнится — огней золотые тюльпаны,
Вот-вот засветясь, все вокруг озарят.

II

Промчалось полгода. Долина средь гор,
Где только Нарын бушевал до сих пор,
Пристанищем стала бесстрашным пришельцам,
Как птицам — камыш серебристых озер.

Бульдозер Сергея здесь мощью своей
Сметает с дороги навалы камней.
А в глуби туннеля, как в пасти дракона,
Искрится шипящее пламя огней.

...Привыкнув, как будто на стройке он век,
С усталым Сергеем мерген Таштанбек
В походный вагончик, под хлынувшим ливнем,
Бегут, где друзей ожидает ночлег.

Уютно в тепле. А вагончик кругом
Нарын продувает речным холодком.
Бывает — на крышу посыпятся камни
Иль в стену ударится глиняный ком.

Сергей Таштанбеку сегодня опять
Сказал: — Ты ложись поудобнее спать,
А я на полу возле койки устроюсь.
Да нет, не смущайся! Мне не привыкать!

Мне лишь бы в тепле отдохнуть как-нибудь! —
Но трудно на куцем матрасе уснуть:
Сергей — великан. И его «экскаватор»
Прозвали за рост, за широкую грудь.

За то, что в работе он неутомим...
Легли. И едва лишь махорочный дым,
Свиваясь в колечки, пополз по-над койкой,
Сказал Таштанбек, наклоняясь над ним:

— Ты слышал, Сергей, как вчера у реки,
Чуть утро, подняли пальбу взрывники?
Шесть месяцев я изучал это дело...
А скалы — они, как железо, крепки!

— Еще бы! — Сергей, оживившись, привстал
И другу-охотнику гордо сказал: —
А я ведь не только бульдозером правлю,
Я здесь скалолазом, представь себе, стал!

Конечно, куда мне равняться с тобой,
С твоею сноровкой, с твоей быстротой.
Взбираешься ты, Таштанбек, на вершины
Тобою ж самым проторенной тропой.

А нам, как бы ни были скалы круты,
Без троп добраться до их высоты,
Чтоб знать, где прочны они, словно железо,
И где одряхлели на склонах пласты.

Чтобы не сорваться вниз с каменных груд,
Канаты, крюки скалолазы берут.
Наш путь по таким каменистым откосам,
Где ноги козленка — и те соскользнут!

— А если канат перетрется, Сергей,
Так, значит, и с жизнью прощайся своей? —

На это Сергей усмехнулся: — Ну что ты?!
Канат из капрона — металла прочней!

Да... Я б скалолаза хирургом назвал:
Нарóсты, все оползни, трещины скал
Он с каменных тел удаляет искусно,
Чтоб век не грозил нашей стройке обвал!

Ни камня упасть не должно с высоты!
Лишь уровень поднятой нами воды
До скал доберется, ни щели единой
В них быть не должно! Понимаешь ли ты?

Кивнул Таштанбек ему: — Как не понять?
Вы, значит, обязаны скалы латать?
— Не то чтоб латать, а, как видишь, на прочность
Поручено нам их теперь испытать.

— А если, признайся, Сергей, кто из вас
Взберется туда — на скалу — в первый раз,
Тому с непривычки, наверное, страшно?
— Да, было! Но мы уж привыкли сейчас!

Мы знаем, что если хоть десять ребят
Ухватят привязанный к крюку канат
И станут тянуть изо всей своей силы,
Никак им не выдернуть крюка назад!

Без горных хирургов, мерген дорогой,
Не встанет плотина над этой рекой,
Не взмоет волной между скал этих стойких
Возникшего моря простор голубой.

Потом Таштанбек, чуть вздохнувши, сказал:
— Да, вскоре в горах не завоет шакал,
От страха сбегут кабаны и медведи,
Ведь взрывы здесь вытряхнут душу из скал!

А я же, Сергей, среди гор этих рос,
Косуль приручал, и архаров, и коз,
Ты б видел, с какой я богатой добычей
С охоты всегда возвращался в колхоз!

Но вот повстречался в горах мне Антон,
И стать взрывником посоветовал он.
Сказал, что поможет. И я убедился
На деле, что слово Антона — закон.

Настойчив! Таков наш Антон человек.
Наверно, и в ночь не смыкает он век.
И знаешь ли, верит он в нас всей душою,
И все его ценят, — сказал Таштанбек.

— Ты прав. Это так, — отозвался Сергей. —
Мерген, ну а как же с любовью твоей?
Признайся мне, часто ли девушке пишешь,
Поедешь ли в отпуск — увидеться с ней?

Ему Таштанбек улыбнулся в ответ:
— Ты знаешь, в колхозе Айдай уже нет!
Живет она рядом, на этой же стройке,
Я вижу ее, как иду на обед.

Пока не замолкнет раскатистый гром,
Стоит она, строгая, с красным флажком:

Следит, чтобы люди укрылись в туннели,—
Быть может, и ты с нею тоже знаком?

Стройна, как лесная косуля, она,
Пылает румянцем, когда смущена.
И если в глаза ее глубже взглядеться,
Поверь мне, лишишься покоя и сна!

— Ну что ж, Таштанбек, без любви, дорогой,
Мир узок и небо тесней над тобой!
И сердце с любовью щедрей и богаче...
А кто же родители девушки той?

— История эта, Сергей, велика,
Начать ее можно лишь издалека.
— Ну что же, послушать ее интересно,
К тому же не хочется спать мне пока.

Мерген Таштанбек согласился: — Давай,
Ты слушай, но только не перебивай:
«...В аиле, когда создавали колхозы,
Жила этой девушки мать — Акинай.

Была Акинай хороша и стройна,
В райкоме трудилась с утра дотемна.
О ней кулаки говорили со злобой:
— Киргизка, а русским продалась она!

Наверное, совести нет никакой,
Что стала в одежде ходить городской,
Что дерзко лица при мужчинах не прячет,
Что книги всегда у нее под рукой!

А ханы, айлы спеша обокрасть,
Вредили, хулили советскую власть
И верили в то, что они с басмачами
Сумеют на правду, как барсы, напасть.

Поспешно угнав многочисленный скот,
Шли в банды, скрывались меж горных высот.
— Все будете спать под одним одеялом,—
Пугали они с озлобленьем народ.

Но людям внушала всегда Акинай:
— Не верьте! Все врет раскулаченный бай!
Река, из которой он пил, пересохла,
По-новому дышит киргизский наш край!

И смело, забыв про усталость и страх,
То в юртах айла, то прячась в горах,
Была на посту Акинай-комсомолка,
И тцетно выслеживал девушку враг.

Но разве в народе такую найдешь,
Но разве в айле на след нападешь?
И вот басмачи к ее матери старой
Ворвались и к горлу приставили нож.

— Признайся, старуха, где прячется дочь?
Жить хочешь — тогда ты должна нам помочь!
А нет — на костре забелеешь золою.
Веди к ней и голову нам не морочь!

И мать, вся в седирах от прожитых лет,
С лицом, где печали оставили след,

Не выдав ничем ни тревоги, ни страха,
Схитрив, им спокойно сказала в ответ:

— Зачем, не пойму, столько слов и угроз?
Сама извелась я от горя и слез...
Эх, сбилась с пути моя глупая дочка,
Бог знает, куда ее ветер занес!

Пусть дочка моих не увидит очей! —
И вроде бы гнев поостыл басмачей.
Но старший сказал, подступая к старухе:
— Не лжив ли поток твоих хитрых речей?

Коль жизнь сохраним мы девочке твоей,
Аллаха забудут все следом за ней!
И даже, наверное, младшие жены,
Отбившись от рук, убегут от мужей!

Нет, мы не допустим, чтоб был этот срам!
Положено женам сидеть по домам,
Лицо укрывать, не вступать в пререканья,
Всегда и во всем покоряться мужьям!

И, выйдя из юрты, они невзначай
Увидели вдруг за бугром Акинай.
И басмачи подмигнули друг другу,
Теперь не уйдет, мол, смотри — не зевай!

Крадутся, глаза их злорадством горят,
Но тут пограничников вышел отряд.
Трусливые волки, сражаться не смея,
Со страхом, как воры, метнулись назад.

Они убедились: противник сильней,
И лица их сделались сажи черней.
Вскочили все в седла, но, словно арбузы,
От пуль покатались на землю с коней.

И вышло — меж горных хребтов, под стрельбой,
До штаба районного тропкой витой
Должна Акинай незаметно добраться,
Исполнить задание любой ценой.

И вот Акинай осторожно, тайком,
Аил обошла, огляделась кругом,
Попутчика взявши из юрты бедняцкой,
Отправилась с ним по тропинке верхом.

Бодры были кони, хоть не рысаки,
И седла не новы, но все же крепки.
И если кто глянет, наверное, скажет:
— Бог с ними! Пусть едут себе бедняки!

Скакали они, торопясь, во всю прыть.
Достигли бурливой реки. Как же быть?
Нарын многоводный гордился кичливо:
Кто ловок, попробуй меня переплыть!

У самых истоков могуч и сердит...
А здесь, где не очень глубок он на вид,
На берег другой Акинай переправить
С трудом согласился знакомый джигит.

За силу свою он был прозван «горой».
Покрытый загаром, как медной корой.

Он, грудью широкой волну рассекая,
Бесстрашно справлялся с бурливой рекой.

На девушку рыжий верзила взглянул,
С опаской сказал вопросительно: — Ну? —
Вздохнувши, подумал: «Как веточку ивы
Ее зашвыряет с волны на волну».

Сказал: — Словно пуговку, так ты легка,
Закружит тебя эта злая река!
А мне за тебя отвечать ведь придется! —
Но все ж упросила она смельчака.

И, может быть, было и страшно ей плыть,
Но страх она шутками силилась скрыть;
Проплыли они столько времени, сколько
Уходит на то, чтобы чай вскипятить».

...Притихнув, Сергей папирсой дымит.
— Да... Девушка смелая, словно джигит!
Послушай, а может быть, это легенда? —
С сомнением охотнику он говорит.

Ответил мерген, усмехнувшись едва:
— Ну, нет! Акинай и поныне жива.
Немало добра она сделала людям,
О ней до сих пор не смолкает молва.

Ты видишь, киргизки, что духом крепки,
Впитали характер отважной реки,
У гор своих взяли и силу и гордость! —
...И снова табачные вьются дымки.

Час поздний. Вагончик покоем объят,
Сергей задремал. И товарищи спят.
Но чувства и думы о девушке милой
Всю ночь у влюбленного в сердце горят.

* * *

Рассвет чуть коснулся бессонной реки,
Взорвали большую скалу взрывники.
Скала загудела, ощерились камни,
И в небе рассыпались звезд огоньки.

А ливень, что грозно шумел до тех пор,
Утих. И опять прояснился простор.
Как будто из шерсти, косматые тучи,
Прощаясь, укрылись за гребнями гор.

А утром качнули вагончик ветра,
Мол, людям давно подниматься пора!
Встают. Протирают глаза. И друг другу
Льют на руки воду ковшом из ведра.

Задумчиво смотрит мерген в небосвод,
То свищет, как птица, то тихо поет,
То весел он так, словно там, над рекою,
Айдай его с тайной надеждою ждет.

— Погромче давай! — подстрекает Сергей,
И песня все шире, смелее, звончей,
И звуки взлетают к зубчатым вершинам,
Сияющим радугой пестрой своей.

«Ты весною — арча,
Дорогая Айдай!
Ты светлее луча,
Золотая Айдай!

Ты, как мята, душиста,
Ты нежней ветерка.
Как цветок, серебриста,
Как травинка, тонка!

Хоть бы слово ты бросила
Мне невзначай,
Ты как тихое озеро,
Дорогая Айдай.

Ты как кисть виноградная,
Ты как солнечный май.
Ты моя ненаглядная,
Жизнь моя ты, Айдай!»

Сергей изумлен: — Вот какой молодец!
Да ты, Таштанбек, настоящий певец!
Ты песней своей и такими стихами,
Поверь мне, не мало встревожишь сердец!

Да, песнь твоя за душу прямо берет,
От песни и камень растает, как лед!
И вновь, осмелев от похвального слова,
Влюбленный мерген вдохновенно поет:

«Твои черные косы
Темной ночи черней.

Твои очи, как звезды,
Губы ярче огней!

Как тоска меня мучит —
Рассказать не могу!
Нет у девушки лучше
На родном берегу!»

Так пел Таштанбек. И подумал Сергей:
«Поет, заливается, как соловей!
Айдай эту песню, наверное, слышит,
И жалко, не знает, что песня о ней».

Задумался друг Таштанбека всерьез:
«Как можно мергену помочь, вот вопрос?»
И вот он, заметив Айдай у туннеля,
Нарочно в ту сторону друга повез.

— Айдай, эй, Айдай, подойди побыстрей! —
Кричит он и машет ушанкой своей.
Похлопал рукой по плечу Таштанбека: —
Послушай, Айдай, как поет соловей!

Что с ним? Что задумал Сергей — его друг?
В глазах Таштанбека и стыд, и испуг.
Схватил за рукав он поспешно Сергея:
— Молчи! Ну, чего это вздумал ты вдруг?!

— Чудак ты! Вот именно надо сейчас
С Айдай побеседовать с глазу на глаз.
Не мешкай, а то кто-нибудь непременно
Ее уведет из-под носа у нас!

Охотник насупился: — Хватит, не смей!
Неловко... Я буду краснеть перед ней.
Я лучше другую придумаю песню,
Но после, когда-нибудь... Слышишь, Сергей?

III

Три дня пронеслись, словно мчались бегом.
О девушке, гордо стоящей с флажком,
Слагал Таштанбек свою грустную песню,
Витая в мечтаньях и ночью и днем.

К туннелю с той новою песней Сергей
Направился твердой походкой своей.
К Айдай подошел, поздоровался: — Здравствуй! —
И стал, улыбаясь, беседовать с ней.

Шутил и смотрел, как, смугла и стройна,
Сигналы флажком подавала она.
Спросил он: — Ты можешь читать по-киргизски? —
И смотрит Айдай на него, смущена.

— Могу и по-русски! — сказала Айдай.
— Ну вот что, тогда ты возьми, прочитай!
Письмо по-киргизски написано это,
А кем уж писалось, сама отгадай!

Письмо по-киргизски!
Что русский джигит
Загадочно так о письме говорит?

И кто же писал эти нежные строки?
Читая, Айдай любопытством горит.

А строки как ласковый шепот волны,
Как утро прозрачны, как жемчуг нежны,
Поют они с грустью: «Айдай, дорогая»,
Вздыхая, как звуки комуза струны.

И песня любви, словно пламя, горит.
Взволнованно девушка взглядом скользит
По строкам письма и, прищулив ресницы,
Во взоре смущенную радость таит.

Не в несколько это писалось минут,
Слова этой искренней песни не лгут!
Такой человек не отступит ни шагу
От чувств, о которых написано тут.

Кто ж эти влюбленные строки писал?
Кто нежно ее дорогою назвал?
Зачем же он сам не пришел к ней сегодня,
А только лишь песню свою передал?

К лицу ее жарко прихлынула кровь,
И сходится с бровью крылатая бровь,
И девичье сердце ее распахнулось,
Тревожно войти приглашая любовь.

Узнать, кто писал это, хочется ей,
Но медлит нарочно с ответом Сергей.
— Скажи мне, по сердцу ль тебе эти строки,
Слыхала ль ты песню, вот этой нежней?

Айдай же, закрывшись ладонью руки,
Пытается спрятать в глазах огоньки.
Подумал Сергей: «Хоть бы слились два сердца,
Как вольно сливаются воды реки!»

И он продолжал: — Вот совет тебе мой:
Порадуй его хоть одною строкой! —
Смеется Айдай: — Как ему я отвечу,
Ведь он объяснился стихами со мной!

И кто ты такой, чтоб советы давать?
Я даже не ведаю, как тебя звать.
— Как звать? Ты меня называй Тапштанбеком, —
Сказал ей Сергей, чтоб ее разыграть.

И, скомкав листок, вдруг сказала Айдай:
— Советую, в прятки со мной не играй!
А если ты впрямь Тапштанбеком зовешься,
Откуда явился, туда и ступай!

Сергей виновато поник головой:
— Айдай, не сердись, пошутил я с тобой! —
Пошел по тропинке. И девушка с грустью
Осталась в раздумье стоять над рекой.

Едва только скрылся Сергей вдалеке,
Посланье, что скомкано было в руке,
Поспешно читать снова девушка стала,
Волнуясь и радуясь каждой строке.

«Твои черные косы
Темной ночи черней.

Твои очи, как звезды,
Губы ярче огней!

Ты как кисть виноградная,
Ты как солнечный май,
Ты моя ненаглядная,
Жизнь моя ты, Айдай!»

— «Жизнь моя ты, Айдай!» — повторяет она,
И сияет лицо, как на небе луна.
И сдается, влюбленный певец к ней подходит.
Но вокруг никого. Лишь одна тишина.

IV

Струится Нарын. И, слетев с высоты,
Бегут ветерки по теченью воды,
И, слушая волн серебристое пенье,
Склоняя головки, кивают цветы.

На горных вершинах, дымящих слегка,
Под небом осенним белеют снега.
Недвижима тишь. А вдали — за хребтами —
Как будто на страже стоят облака.

И снова, холодным ветрам вопреки,
Здесь твердые скалы сверлят взрывники.
Гудит Баскак-Бель¹, содрогаясь от взрывов,
И смотрит на темные воды реки.

¹ Баскак-Бель — название горного хребта.

А там, где тревожно шуршат камыши,
Где раньше — ни тропки, нигде — ни души,
В ложбинах глубоких, в ущельях опасных,
Какой только зверь не водился в глуши!

А ныне — на ближних уступах горы
Чернеют шпурь, как нора близ норы:
Так густо бурильщики грунт пробурили,
Трудясь спозаранку до поздней поры.

Под тенью, где горный вздымается склон,
Глядит на часы с нетерпеньем Антон,
А горы, куда только взор ни направишь,
Антон со всех обступают сторон.

В неясном тумане, как будто в пыли,
С утеса заметив Антона вдали,
Подходит к нему Тапштанбек с донесеньем —
В земле весь, как будто бы сам из земли.

Сказал он: — Вся яма забита до дна,
Тонн тридцать взрывчатки вместила она. —
Антон приказал: — Приготовьтесь ко взрыву! —
И в горы тотчас же вросла тишина.

Все люди в укрытьях. Лишь ветер слегка
Вдали будоражит снега — облака.
И сам Баскак-Бель словно сжался от страха,
И сузилась, вдруг почерневши, река.

С гуденьем воздушная мчится волна,
И в реку каменья швыряет она,

Сдается, луну б даже с неба сорвала,
Когда бы взошла в это время луна.

Я видел — чуть грохот ущелье потряс,
Из зарослей молнией выскочил барс,
Сквозь частый камыш он метнулся, как пуля,
И скрылся в лощине мгновенно из глаз.

Явившись опять, как в азарте игры,
Когтями вцепился в подножье горы,
Как будто бы впрямь растерзать он задумал
Бугристую твердь каменистой коры.

И дикий кабан из ущелья возник,
Кинжалом сверкнул его яростный клык,
И, страх наводя своей грязной щетиной,
Понесся лощиной крутой напрямик.

И плавно, как будто полет ветерка,
Похожа на облачко издалека,
Косуля, покинув приют свой надежный,
В ущелье исчезла, быстра и легка.

И козы с ветвистым узором рогов,
Со склонов, где трав пожелтевших покров,
Помчались, копытцами топая дробно,
Сливаясь вдали с белизною снегов.

Застыл Таштанбек, настороженно строг.
Заядлый охотник и дичи знаток,
С собой захватил он из дому двустволку
И ждет, чтобы только нажать на курок.

Редуют взметнувшейся пыли дымки,
А грузные камни, земля и пески,
Которые хлынули сверху лавиной,
Осели в низине, у русла реки.

Глядит Таштанбек из укрытья на свет.
Стоять, выжидая, терпения нет!
Но вот он, решительно скинув ботинки,
Стал красться за дикими козами вслед.

Он замер, козла наблюдая прыжки...
Следят за мергеном друзья-взрывники.
И сердце невольно в груди замирает,
Дивясь, как движенья джигита ловки.

Одни говорят: — Он смельчак до поры!
Того и гляди, что сорвется с горы! —
Другие вздыхают: — Он ноги порежет,
Ведь камни на скалах, как сабли, остры!

Антон, не сводивший с охотника глаз,
Сказал с восхищеньем: — Крадется, как барс!
Чтоб так человек был отважен и ловок,
Навряд ли увижу еще я хоть раз!

— И нам не случалось встречать до сих пор
Джигита, что взял свой характер у гор.
О людях таких мы лишь знали из сказок! —
Вели взрывники меж собой разговор.

Как быстро мелькают ступни его ног,
Как будто он в паре железных сапог.

Как будто и вправду волшебная сила
Ведет его ввысь, где ни троп, ни дорог.

— Да, горец есть горец! И чуда в том нет! —
Иной пожимает плечами в ответ.
Другие о нем говорят с восхищеньем
И смотрят ему не без зависти вслед.

И с камня на камень, со склона на склон,
Шагая, исчез за отрогами он.
«Он — сын этих гор, этих скал неприступных!» —
О ловком мергене подумал Антон.

Вдруг выстрел пронзительный грянул меж скал,
Как будто о камни ударил металл.
И синий дымок вдалеке, за скалою,
Поднялся и в глуби ущелья пропал.

— Будь в обуви он, по уступам камней
Не смог бы догнать он добычи своей.
Я знаю — мой друг альпинистом родился! —
Сказал взрывникам с восхищеньем Сергей.

Одни согласились: — И так может быть! —
Мол, друга, конечно, приятно хвалить.
Другие сказали: — Так с детства, наверно,
Привык он по каменным кручам ходить!

И снова, от пыли взлетающей пег,
Бульдозер завалы сметает, как снег.
Машина идет тяжело за машиной.
Вдруг кто-то воскликнул: — А вот Таштанбек!

С огромного камня, пантеры ловчей,
Он прыгнул с охотничьей ношей своей.
И все обступили его с любопытством:
А ну, покажи-ка, мерген, свой трофей!

Сказал он: — Двух самок убил и самца,
Часть мяса принес, потроха и сердца.
А все притащить одному не под силу,
Оставил вон там, у того деревца.

— Храбрец! — И Сергей его обнял рывком. —
Теперь ты накормишь нас всех шашлыком!
— Да ты молодчина! Охотник что надо,
Друзьям угодил! — раздается кругом.

Антон улыбнулся: — Отличны дела!
Сейчас мы отведаем сердце козла! —
И, дружески руку пожав Таштанбеку,
Пошел к очагу, где белела зола.

Айдай, наклонившись над тем очагом,
Огонь раздувала, махая платком.
С улыбкой сказала: — Здесь мяса хватает,
Всех можно теперь накормить шашлыком!

А люди вокруг Таштанбека стоят:
— Неужто ли ноги твои не болят? —
Смеется охотник: — Вы разве не знали:
Из камня я сделан с макушки до пят!

Чуть только звериный я высмотрю след,
По следу иду, хоть дороги и нет.

Как видно, подошвы мои заглубели,
Ведь к скалам привык я с мальчишеских лет.

Антон закурил и, пуская дымки,
Сказал: — Ты слышал ли, в горах, у реки,
В Киргизии жил знаменитый охотник,
О нем говорили твои земляки.

И ловкости было в нем хоть отбавляй!
Прославил своею охотой он край. —
И, как бы советуясь с девушкой взглядом,
В упор поглядел Таштанбек на Айдай.

А та улыбнулась, прищурясь едва,
Да так, что вскружилась его голова.
...Кто знает, когда она сердце раскроет
И скажет ему дорогие слова?!

И кто-то спросил: — А исчез он куда ж?
— И был ли охотник прославленный ваш?
— Да был, говорят, — Таштанбек им ответил. —
Известно, что звали его Коджо-Джаш.

Когда-то он жил в Аплатунских горах,
Его воспевают акыны в стихах,
Легенды и сказки в народе слагают
О славе его, об отважных делах.

Антон, подойдя, улыбнувшись, сказал:
— И я про того Коджо-Джаша читал.
А может быть, это и вправду легенда
О храбром мергене — властителе скал?

Один из стоящих вступил в разговор:
— Я слышал, что там, среди сумрачных гор,
Великий охотник в погоне за зверем
Ночами плутает еще до сих пор.

Другой возразил ему: — Все ерунда!
Здесь не был в горах Коджо-Джаш никогда!
А если он был, почему же в ущельях
Хотя б очага не осталось следа?!

Сказал Тапштанбек: — Есть скала здесь одна —
Скалой Коджо-Джаша зовется она.
Я верю, что был этот храбрый охотник,
Раз песня в народе о нем сложена.

Как ветер он был, говорят, как гроза!
Все горы он знал, все ущелья, леса.—
Вздохнула Айдай: — Жаль, что нет человека,
Который видал Коджо-Джаша в глаза.

— Ну, что из того! — возразил ей Антон.—
Ведь знает народ, как охотился он,
Наверно, и ты с интересом читала
О славном охотнике давних времен?

Антон продолжал: — Нет, конечно, он был,
Не зря его образ народ сохранил.
И нам хорошо бы иметь Коджо-Джаша,
Который бы с нами в горах этих жил.

А впрочем, я видел такого среди гор
И все позабыть не могу до сих пор,

Как смело мерген наш взбирался на скалы,
Вперед устремив свой всевидящий взор.

Как ловко он шел по хребтам к вышине!
Он быть Коджо-Джашем достоин вполне! —
Смекнул Таштанбек, его сердце забилося:
«Ведь это Антон говорит обо мне!»

Тем временем жирного мяса куски
Айдай обмывает водой из реки
И нижет его на железные прутья,
Готовя для всех на обед шашлыки.

V

«Как можно попасть на вершину вон ту?» —
Подумал Сергей, весь в пыли и в поту;
Глядит на пунктиры белеющих вешек
И мерит глазами горы высоту.

Задумчив его настороженный взор,
Не знает он тайн этих замкнутых гор.
И все же ведь надо на эту вершину
Взобраться, всем трудностям наперекор.

— Наверно, никто, как мерген Таштанбек,
Не знает пути на хребет Тегерек
И может помочь провести мне бульдозер
Меж скал, где дорог не бывало вовек.

Он ждет в нетерпенье, нахмурясь. И вдруг
Взобрался в кабину мерген — его друг.

Доволен Сергей: — Ну, поехали, что ли! —
И сразу земля загудела вокруг.

В горах, на работе, мерген был с утра.
Ему б отдохнуть после смены пора,
Но выполнить надо свое обещанье,
Которое дал он Сергею вчера.

— Я знаю, охотничий глаз твой острей! —
Сказал Таштанбеку с улыбкой Сергей. —
Не раз ты ходил по горам Тегерека,
Не справиться мне без подмоги твоей!

Потом, улыбнувшись как бы невзначай,
Спросил: — Ну, а что ты молчишь про Айдай?
Признайся, наверно, ты виделся с нею?
Скажи, Таштанбек, ничего не скрывай!

Смутясь, Таштанбек засмеялся в ответ:
— Намерений много, силенок вот нет. —
Лукаво Сергей подмигнул Таштанбеку:
— Уж ладно, молчу, если это секрет!

— Да нет, я не стану скрывать, дорогой,
Айдай увезу я украдкой с собой.
Как только налажу свой дом и хозяйство,
Друзей приглашу я на свадебный той.

— Из мяса упитанных горных козлов,
Наверно, отличный ты сделаешь плов,
Подашь бешбармак нам на праздничных блюдах,
На славу накормишь своих взрывников!

Но знаешь... — нахмурился тут же Сергей, —
Ты красть эту девушку силой не смей!
Ты лучше к себе привяжи ее сердце —
Не силой, а песней душевной своей.

Послушай, охотник, любовью горя,
Ты с ней говори языком соловья.
Ведь в сердце твоём тяжела, словно камень,
Любви молчаливая тайна твоя.

...Еще бы! Суров у красавицы вид,
Хоть рядом идет, да в глаза не глядит.
Осунувшись, как после тяжелой болезни,
Напрасно вздыхает влюбленный джигит.

Сергей засмеялся: — А знаешь, давно
Я песню отдал ей тайком, как письмо,
Не бойся! Я верю в стихов твоих силу.
Им сердце Айдай отомкнуть суждено.

Пусть знает, как нежен влюбленный поэт! —
Молчит Таштанбек, потрясенный, в ответ
И пристально смотрит на близкого друга,
Не зная, сердиться ему или нет?

Сергей продолжал: — Мне ведь, право, видней,
Должна ж о любви она знать о твоей,
Поверь мне, отдав твою песню ей в руки,
Я тем не унижил тебя перед ней.

За строки, что я передал, не вини,
Как гроздь винограда, созрели они.

Взяла их Айдай, и назад не вернула,
И верно, украдкой читает все дни!

Я ж вижу: во взгляде влюбленном твоём
Тоска по Айдай полыхает огнём.
Ты, вместо того чтоб страдать в ожиданье,
Спеши, чтоб хозяйкой ввести ее в дом!

И стал у мергена страдальческим взор,
Как будто босым наступил на костер.
Прищурившись, смотрит на друга с обидой,
Решив прекратить об Айдай разговор.

— Ты что ж стал мрачней этих замкнутых скал?
В тот день, как стихи я Айдай передал,
Чтоб тайна твоя бы проникла к ней в душу,
Я имя твое ей нарочно назвал.

VI

Вот зимняя стужа подкралась не в срок,
Морозный с Нарына подул ветерок,
Чем ближе к реке подойдешь, тем быстрее
Пальто застегнешь иль натянешь платок.

Айдай в это время, под ветром, у гор,
Из ломаных веток разводит костер.
На пламя глядит то с улыбкой, то с грустью,
То словно с собою ведет разговор,

То смотрит, как мчится Нарына волна,
Вся пламенем вспыхнувшим озарена,

О чем ее тайные девичьи думы,
Костру лишь, наверно, расскажет она.

Счастлив оттого ли у девушки вид,
Что нежно комуз в ее сердце звучит?
Иль в сладкой тревоге она, замирая,
Надеется, ждет, что придет к ней джигит?

Где бродит? Зачем от нее так далек,
Как облачко то, что умчал ветерок?
Едва показался, и скрылся из виду,
И нет ни тропинок к нему, ни дорог...

«Быстрой кайберена умчась за хребты,
Любимый, скорее откликнись, где ты?
Придешь ли сюда, улыбнешься ли нежно?
Ну, где же твои отыскать мне следы?»

И грустно Айдай эту песню поет,
И словно бы нить золотую прядет.
В горах Таштанбек где-то бродит, не зная
О том, что Айдай у костра его ждет.

А солнце, покинув небесный простор,
Ушло за вершины синеющих гор.
Спускается вниз Таштанбек по ущелью,
По берегу быстро скользит его взор.

Заметил Айдай у костра и быстрой,
Надвинув ушанку свою до бровей,
Стал щепки вокруг собирать деловито,
Как будто лишь занят работой своей.

Костер у Айдай хлопотливой хорош,
И хоть он гудит и пылает, но все ж
Не смог Таштанбек у костра обогреться:
Бросает его от смущения в дрожь.

Никак не поймет он, что с милой Айдай:
То взглянет на небо как бы невзначай,
То хмуро глядит на костер, то на реку,
А чем недовольна, — поди угадай!

Но вот, пересилив смущенье и страх,
Сказал Таштанбек: — Ныне снег на горах,
Начало зимы, ну, а стужа крепчает,
Лед в ближних ущельях и в козых следах.

Следя из-под полуопущенных век
За тем, как забавно робел Таштанбек,
К джигиту Айдай обратилась сурово:
— Вот странный какой ты, мерген, человек!

Тебя лишь один занимает вопрос:
Твердишь все про горы свои и про коз,
А это тебя, Таштанбек, не волнует,
Что, может быть, друг твой в ущелье замерз?

Айдай, негодуя, от сердца всего
Упрек, словно камень, швырнула в него.
— А кто ж из друзей замерзает в ущелье?
Ведь я на горах не встречал никого!

На девушку бросив растерянный взгляд,
Сказал он: — Твой голос услышать я рад,

Но только прошу я, Айдай, объясни мне,
В чем дело? И в чем пред тобой виноват?

— Поверь, Таштанбек, — неспроста мой укор:
Наверно, Сергей твой блуждает средь гор.
Вчера, говорят, он ушел на рассвете
И нету в поселке его до сих пор.

А вдруг заблудился Сергей, что тогда?
Не странно ль, что друг твой исчез без следа?
А может, напали на бедного звери,
А может, случилась иная беда?

Ты сам говорил мне, что горы в снегу,
Холодные ветры гудят наверху!
Быть может, замерз он, твой близкий товарищ,
А ты себе греешься на берегу!

Кто ж в горы Сергея пустил одного?
А он — Таштанбек — и не знал ничего!
Упреком она, как веревкой, связала
И связанным бросила наземь его.

И, тут же с Айдай оборвав разговор,
Угрюмо нахмурясь, потупив свой взор,
Поднялся охотник и, с ней не прощаясь,
Поспешно направился в сторону гор.

Расстроилась девушка: — Вот тебе на!
Сидела с ним вместе, и вдруг я одна...
Напрасно так резко я с ним говорила! —
Сердясь на себя, прошептала она.

— Напрасно его я винила в пылу...—
И в сердце ей словно вонзили иглу,
И с горькой тревогою вслед Таштанбеку
Смотрела она сквозь морозную мглу.

* * *

Пурга затянулась на несколько дней,
И нервничать начал в досаде Сергей:
Он должен был в горы вести по заданию
Ребят — скалолазов бригады своей.

Задача сложнее предыдущих, и он,
Едва наконец просветлел небосклон,
Отправился сам для начала в разведку,
В заботы и мысли свои погружен.

Взошел на вершину Сергей без труда,
Давно он задумал добраться сюда.
Тугой патронташ его стан опоясал,
В мешке, за плечами — вино и еда.

Отсюда сквозь облачный серый туман
Увидел он каменных глыб океан,
А дальше чернели хребты за хребтами,
Как будто верблюдов шагал караван.

Древнейшие скалы... Но молод их вид,
Их яркость тонов хоть кого удивит!
Откуда ни глянешь на гребни крутые,
На каждом как будто по солнцу горит.

Поднявшись, он стройку свою не узнал:
И в близкой мечте новый город предстал.
Нарын, пролетев сквозь туннель, разъяренный,
Волной ударяет о выступы скал.

Вон улиц кварталы. Как много стропил!
Поселок недавно в три домика был,
А ныне с асфальтом, с трубой заводскою,
Совсем непохожим он стал на аил.

Еще бы! Вон там — стадион, как в Москве,
Строения — в пять этажей в большинстве,
Вон школа. А вон филиал института,
Вон парк, что недавно был в желтой листве.

А раньше два берега дикой реки,
Хоть были как будто на взгляд и близки,
Веками друг другу, как чуждые земли,
Подать не могли дружелюбной руки.

Кто мог бы подумать в года старины,
Что схватятся люди с кипеньем волны,
Что будет подъемник из старого русла
Размером с верблюда таскать валуны!

Что, водам бунтующим наперекор,
Восстанет плотина, держа их напор,
Прославя геройство и труд человека,
Врастет в дно реки к удивлению гор.

И в их окруженье скалистом вода,
Как в крепком капкане, должна быть всегда.

Чтоб не было в скалах ни трещин, ни щелей,
Зависит теперь от людского труда!

Да, вскоре повсюду — вблизи и вдали —
Зажжет гидростанция солнца свои.
И, волнами чудом рожденного моря,
Умножит богатства киргизской земли.

Сергей неподвижно с двустволкой в руке
Стоит. А на серой скале вдалеке,
На солнце лоснясь шелковистою шерстью,
Меж каменных глыб появился теке¹.

Сергей в этот миг удержаться не смог
При виде теке не нажать на курок,
Нацелился он с замиранием сердца,
И свистнула пуля, пронзя ветерок.

И только он к жертве проворно шагнул,
Теке словно кто-то назад потянул,
И, вздрогнув, теке покатился в ущелье,
И эхом донесся раскатистый гул.

А склоны скалистых высоких громад
Вокруг, как в строю великаны, стоят.
Сергей за убитым теке стал спускаться,
Входя, как заправский охотник, в азарт.

Он шел. А вдали предвечерней порой
Вершины пленяли его красотой.

¹ Теке — горный козел.

За чудом являя все новое чудо,
Гора вырастала за новой горой.

Шагал он усталости наперекор,
С опаской, напрягши прищуренный взор.
Добычу выискивал и не заметил,
Как солнце укрылось за пиками гор.

И словно погасли вершины и снег,
И даль, где ногой не ступал человек.
Над ним лишь сверкали огромные звезды,
Он их золотистей не видел вовек!

Куда ни глядел он, не видно ни зги.
И вдруг замерцали вдали огоньки.
И стало казаться — совсем недалеко
Поселок, дорога и русло реки.

А снег у скалы отливал серебром.
К нему по камням он спускался с трудом.
Казалось, вот-вот он отыщет дорогу,
Но ночь все темней становилась кругом.

Устав, он к утесу ружье прислонил,
Закрылся полой и с трудом закурил.
...Неужто не сможет найти он дорогу
В какой-нибудь близко лежащий аил?!

Он шел, напрягая мучительно взгляд,
И слышал, как ветры в ущелье гудят,
Во тьме натываясь на острые камни,
Которые всюду, как сабли, торчат.

И вдруг ни огней, что он видел, ни троп!
Куда ж это сразу исчезнуть могло б?
Вдруг за ноги словно его потянули,
Едва наступил он на снежный сугроб.

Споткнувшись, он вниз покатился, и вслед
Тяжелыми комьями падает снег.
Так густо глаза залепило Сергею,
Как будто, упав, он внезапно ослеп.

Очнулся. Подумал: куда он попал?
Как видно, в горах был недавно обвал!
Оперся плечом он о снежную глыбу,
Слегка приподнялся и на ноги встал.

И злая досада Сергея берет:
Он чувствует голод, а руки как лед.
С трудом из мешка уцелевшую кружку,
Бутылку и сверток с едой достает.

И только покончил с вином и едой,
Наполнилось тело его теплотой,
И с нею влилась в его сердце надежда,
Что справится все ж он с неожиданной бедой.

Сухую арчу и курай, сколько мог,
Собрал он на ощупь и сгреб в уголок.
От горного ветра укрывшись полою,
Он спичку с трудом наконец-то зажег.

Дым тянется струйкою, призрачно бел,
Но вскоре костер присмирел, поредел,

Стал таять огонь на глазах у Сергея,
А он обогреть лишь ладони успел.

И снова вперял он с надеждою взор
На чуть полыхающий, хилый костер.
А небо вдали постепенно светлело,
И звезды тускнели над пиками гор.

Он долго метался в ловушке, средь скал,
Отчаявшись, снова надежду терял.
И вдруг его сердце тревожно забилося:
Сдается, к спасенью он путь отыскал!

И тотчас же духом воспрянул Сергей:
Он выстрелил вверх из двустволки своей.
И с грохотом выстрел в горах раскатился,
Запрыгало эхо по грядам камней.

И снова пронзил его сердце испуг...
И выпала наземь двустволка из рук.
И все же он ждал — не придет ли спасенье,
Но хмурые скалы молчали вокруг.

И снова пытался он справиться сам:
По выемкам узким, по скользким камням,
Хватаясь за лед, разрезая ладони,
Он вверх поднимался, угрюм и упрям.

Вы, может, друзья, не поверите **мне**,
Но все же он выбрался. И в **тишине**
Вздыхнул и расправил широкие плечи,
Не веря, что все это — с ним не во сне.

И, жадно вдыхая струю холодка,
Смотрел, как дымятся вдали облака.
Увидел туннель. И ему показалось:
Шагнешь — и очутится рядом река.

И стал он спускаться к Нарыну тогда,
Но снова его поджидала беда:
Сыпучий бугор под ногами качнулся,
И словно помчала Сергея вода.

Швыряла о камни, скрутивши всего,
И ветки и корни кололи его,
И было все тело Сергея в ушибах,
Но больше не чувствовал он ничего.

VII

Чуть только забрезжит над стройкой рассвет,
Антон на ногах. И умыт, и одет.
Садится в свой газик, и мелкая галька
Летит за колесами быстрыми вслед.

Скала вся в уступах пред ним. И на ней
С трудом убирают завалы камней.
И стойки вставляют, чтобы из каната
Донизу перила навесить на ней.

Окинувши взглядом Нарына простор
И дальние гребни синеющих гор,
Чтоб сверху взглянуть на поселок и стройку,
Поднялся Антон на ближайший бугор

И вдруг удивился: в горах вьется дым!
А может быть, это туман перед ним?
Но дым вдруг растаял. И чистое небо
Сияет опять над ущельем глухим.

И только вдали небосвод в облаках...
Тут выстрел внезапно раздался в горах.
Киика ль убили? А вдруг человека?!
И дрогнул бинокль у Антона в руках.

Скользит он биноклем по скалам... И вмиг
Вдали человек, словно призрак, возник.
Стоит на скале он и машет рукою...
Окликнуть, но разве услышит он крик?

Меж ними, вскипая из самых глубин,
Грохочет, бурлит и клокочет Нарын.
И видит — исчез человек, словно канул
Внезапно во тьму каменистых ложбин.

И только в ущелье, меж мрачных теней,
Мерцают снега белизною своей.
...А вскоре со стройки пришло сообщение
О том, что в горах заблудился Сергей.

Теперь все понятно: не зря перед ним
Взлетал чуть заметно клубящийся дым.
Как видно, нарочно костер разжигая,
Сергей звал на помощь сигналом своим.

А дальние горы в сиянии дня
Лучатся, к себе красотою маня,

Но тех, кто коварства их нрава не знает,
Всегда ожидает в горах западня.

И высь... И туманы, и кручи камней,—
Опасны, но все ж ничего нет страшней,
Блуждая, вдруг встретить сыпучую гору,
Которую встретил, к несчастью, Сергей.

По ней и киики пройти не могли,
И птицы ее облетают вдали.
А если взойдет человек, не вернется:
Погубит опасная осыпь земли.

Узнав про Сергея, шумят взрывники:
— Он думал, что в горы пойти — пустыки?!
Мол, просто, как в дом, что находится рядом,
Иль словно в туннель, что вот здесь, у реки!

Ему — одному — к нам добраться невмочь!
Антон, как вихрем, вдруг сдунуло прочь.
Еще бы! В опасности жизнь человека!
Немедленно надо бедняге помочь!

Кто б знал, что как мальчик поступит Сергей?!
Но действовать надо возможно быстрее!
Взял трубку и, вызвав на провод участок,
Сказал: — Соберите немедля людей!

А выси далеких пугающих скал
Седой и косматый туман обмотал.
Антон поглядел на собравшихся хмуро
И дрогнувшим голосом людям сказал:

— Всем ясно, зачем я просил вас прийти!
Должны мы немедля Сергея найти.
Кто может сейчас же отправиться в горы,
Кто знает к тем дальним вершинам пути?

Уверен, найдется, друзья, среди вас,
Кто скот на джайлоо когда-нибудь пас?
И знает — по склонам каким и ущельям
Отправиться может он на Карджукбас¹?

Стоит без движенья притихший народ.
Кто в землю глядит, кто на горы — вперед.
Кто делает вид, что не слышит Антона,
Кто жметя трусливо: мол, сам пусть идет!

А каждый из них здесь — на фронте труда —
Упорен, отважен! Герой хоть куда!
И вдруг отступают... Как видно, боятся,
Хоть их и тревожит Сергея беда.

Антон, поглядев на толпу взрывников,
Вздыхнул: — Не нашел подходящих я слов!
Гляжу я с надеждой на всех и не вижу,
Кто был бы на смелое дело готов...

Кто смог отвратить бы такую беду?
— Позвольте, начальник, я в горы пойду! —
Сказал Таштанбек и, волнуясь, добавил: —
Надеюсь, я к ночи Сергея найду!

¹ Карджукбас — название перевала.

Кто знал, что он в горы отправится вдруг?
Не думал, что так опрометчив мой друг!
Готов я идти хоть сейчас на разведку! —
И все с облегченьем вздохнули вокруг.

— Не думайте, что пред людьми зазнаюсь,
Но я отыскать его точно берусь!
Вот этот проходчик просился со мною.
Согласны? Тогда собирается пусть!

Едва молвил слово взволнованно он,
К нему подошел, улыбаясь, Антон
И, с чувством обняв Таштанбека, промолвил:
— Твоим я решением не удивлен!

И тут же спросил: — Таштанбек, дорогой,
Могу ль я отправиться в горы с тобой? —
Мерген закивал: — Ну еще бы! Вы горы
Смогли изучить, как охотник любой!

Народ, смельчаков окруживший, притих.
Пошли провожать все торжественно их.
И кто-то вдогонку сказал Таштанбеку:
— Смотри, ты в ответе теперь за троих!

* * *

...Грохочёт Нарын под висячим мостом;
Качает идущих, как в шторме морском.
Но ловко, как будто бы канатоходцы,
Все трое идут осторожно, гуськом.

А вон и подножье коварной горы.
Вверху, вокруг отверстия черной норы,
Угрюмые камни, как острые кости,
Виднеются всюду, желты и остры.

И холодом тянет от влажных камней.
Возвышенность — тучи зловещей черней.
Туда человек не пойдет, да и ворон
Вершину ее облетит поскорей.

В ней выемки, словно глубокий чуйчек¹,
Наполнил водой их растаявший снег.
А ниже, на склонах, расщелин глубины,
Где льды залегли и застыли навек.

И трое отважных, не глядя назад,
По склонам опасным и диким скользят
Иль, тесно к стене припадая скалистой,
Над бездной крутой, отдыхая, стоят.

Коварной горы крутизна высока,
На ней нет ни кустика, ни бугорка.
А камни все гладки и скользки, как мыло,
Никак ухватить их не может рука!

Что ж делать? Еще не достигнута цель!
Мерген тут увидел иссохшую ель,
Взобрался наверх по стволу и, нахмурясь,
Глядит со скалы на зиявшую щель.

¹ Ч у й ч е к — деревянная чаша.

Он, острые камни обшарив вокруг,
Проходчику крикнул: — Держи меня, друг! —
И, грудью к еловым ветвям прижимаясь,
Стал двигаться вверх, ухватившись за сук.

Он ловко справлялся с преградой крутой.
Казалось — его поднимало волной.
И вот наконец-то достиг он вершины,
И встал над отвесной, скалистой стеной.

И, зорко за ним наблюдая, Антон
Подумал: «Он впрямь Коджо-Джашем рожден,
Никто не сумеет ловчее мергена,
Как кошка, взбираться со склона на склон.

Отчаянный малый, отважный джигит!
Над дикими скалами птицей парит!
Как ветер, взлетает по каменным кручам,
И взгляд его острый бесстрашьем горит».

Глядит Таштанбек на безбрежие скал:
Овраги, ложбины, крутой перевал...
Ущелья и выси обшарил глазами,
Куда ж его друг закадычный пропал?

Нигде никого. Лишь дымит синева.
Вдруг вроде чернеет внизу голова
В глубокой ложбине, зажатой камнями,
Ее с высоты он заметил едва.

И впрямь человек в западне из камней!
И сердце мергена забилося сильней.

С волнением, ко рту приложивши ладони,
Позвал Таштанбек что есть силы: — Сергей!

Сергей на локтях приподнялся. Потом
Стал на ноги он подниматься с трудом.
Неужто ему лишь почудилось это?
Ведь звал его кто-то, уверен он в том!

«Спасенье! Спасенье!» — стучало в висках.
Наверно, его разыскиали в горах!
Почти не дыша, он, прислушавшись, замер,
И жгут его радость, надежда и страх.

И вскоре несчастного узника скал
Герой Таштанбек, как родного, обнял.
Сказать он не мог ни единого слова
От счастья, что друга он все ж отыскал.

Из термоса в кружку налил кипяток,
И сделал Сергей с наслажденьем глоток.
И, словно душа у него отогрелась,
Он сразу почувствовал силы приток.

Замученный голодом, в полубреду,
Не веря в спасенье, глотая еду,
Сергей стал рассказывать сбивчиво другу
О том, как внезапно попал он в беду.

Сказал Таштанбек: — Успокойся, Сергей!
Как мог ты решиться пойти без друзей?
— Пошел на разведку я и заблудился,
Гора чуть не стала могилой моей!

Охотник спешит: — Ну, пора нам идти!
Ты крепче за шею меня обхвати! —
И, ловко обняв ослабевшего друга,
Поднял и понес, прижимая к груди.

VIII

Весна золотистый надела убор.
С приходом ее озарился простор.
Зеленого бархата складки густые
Повсюду на склонах сияющих гор.

Заря расцветает пунцово, как мак.
К ущелью Сергей направляет свой шаг,
Вчера сговорились они с Таштанбеком
Подняться туда, где родник Кунь-Булак.

Сергей ждет мергена, тревогой томим:
Ну, где ж Таштанбек, не случилось что с ним?
И пристально смотрит с горы на поселок:
А вдруг разминулся он с другом своим?

Однако в то утро мерген, его друг,
Зевая, привстал, озираясь вокруг.
И тут же подумал: «Пора собираться»,
Но вновь захотелось поспать ему вдруг.

И тут же, за леность себя побраня,
Подумал: «Что это нашло на меня?»
И нехотя в горы поплелся, как всадник,
Который ленивого гонит коня.

И хоть не преследует дичи джигит,
Он взглядом пытливым и зорким скользит
По кручам — от самых вершин до подножья.
О как же прекрасен весенний их вид!

И кажется, камни, на солнце горя,
Поют, своих дум от него не тая.
Как будто бы сам Токтогул это ходит
С комузом. А рядом жена Тотуя¹.

Да, с давней поры средь ущелий и гор
Здесь песнь Токтогула звучит до сих пор.
Бессмертное эхо ее повторяет
Вершинам, взнесенным в небесный простор.

И мужество было с поэтом всегда,
Слетала ли радость, грозила ль беда,
Настроив комуз, ударял он по струнам,
И песня рождалась, чтоб жить ей всегда.

Когда осторожней, чем чуткий элик,
Созвездья с небес исчезали, в тот миг
В тиши просыпалась жена Токтогула
И слушала этот поющий родник.

Ей думалось: «Чище прозрачной воды
Надежды акына, любовь и мечты».
...Мергену казалось — поют вдохновенно
И небо, и гор остроглавых хребты.

¹ Тотуя — имя жены поэта Токтогула.

Шагал он и думал: «Киргизский певец,
Он песнями столько тревожил сердец!
И может, в горах их звучанье услыша,
Очнусь я и сброшу тоску наконец.

И к сердцу любви подступала волна,
Горячей и грустной тревоги полна.
Надежда опять улетала.

...А может,
Витает на том Кунь-Булаке она?

Теснятся гористые гребни вокруг,
То синяя пропасть, то черная вдруг...
И видно ему — рассыпаясь цветами,
Поляна вдали зеленеет, как луг.

А глянешь наверх — в озаренье луча
У звездной воды зеленеет арча.
И ниже — урюка цветущая ветка
Белеет, на вешнем ветру трепеща.

Волнует, слепит этих мест красота,
Сдается, ущелья и гор высота
В халат изумрудной весны нарядились,
В которых всех радуг лучатся цвета.

И камни под радужным солнцем горят,
Сверкают, как девушки новый наряд.
Глядишь — и сдается: далекое детство
Вдруг чудом к тебе возвратилось назад.

Далекие, милые сердцу года...
К полянке сошел Таптанбек без труда,
Любуясь, как, падая вниз из расселин,
Сверкая на солнце, струится вода.

В ней, ярко синяя, дрожат небеса,
Как будто любимой сияют глаза.
А ниже — родник, как слезинка прозрачный,
Звенит и щебечет на все голоса.

А здесь, где покатых холмов острова,
Как шапка из выдры, лоснится трава,
И рядом с травой, серебром отливая,
Очей родниковых дрожит синева.

Над ними — навесом — надбровья камней,
И щель между ними как створка дверей,
И в створку, наверное, солнце заходит,
Чтоб прятаться в холод от пасмурных дней.

То глянув сквозь щель, как весной сквозь окно,
Веселое, радужным светом оно
Беспечно играет с водой родниковой,
Лучом озаряя песчаное дно.

И мнится, играет комуза струна,
И в такт золотая струится волна.
...Прозрачна любовь, как родник этот горный,
Счастливец, в чьем сердце трепещет она.

И здесь среди гор, в этом чудо-краю,
Где льет Кунь-Булак золотую струю,

Не может скрыть юное сердце мергена
На встречу с любимой надежду свою.

Он смотрит с улыбкой, а струи воды
Текут и текут, золотясь, с высоты.
И шепчет джигита душа молодая:
«Я жду, дорогая Айдай, где же ты?»

И в струях, что цветом под стать небесам,
Вдруг видит — не он отражается сам,
А словно колышется девушка в танце,
И замер, своим не поверив глазам.

И, за спину косу забросив, она
Стоит, улыбаясь, светла и стройна.
Глядит Таштанбек не дыша и боится:
Что это — виденье? Подобие сна?

А девушка шепчет: — Кто я? Отгадай! —
И всплыл перед юношей образ Айдай.
А может, влюбленному это приснилось —
Звенящий родник и сверкающий май?

Сергей между тем, подстреливши козла,
По тропке, хоть та и крутою была,
Пошел напрямик к роднику Кунь-Булаку,
К воде, что веселым сверканьем звала.

И видит — какой-то стоит человек.
Да это же он, его друг Таштанбек!
Но то ли он дремлет, а то ли мечтает,
Иль смотрит на горы, где искрится снег?

Сергей не решился в тот миг чем-нибудь
Товарища вдруг ненароком вспугнуть:
Наверное, он раз мечтался о чем-то,
Иль, может, решил в тишине отдохнуть.

И вот осторожно, как чуткий киик,
На землю козла опустил он на миг
И тут же из жирного свежего мяса
Решил приготовить отменный шашлык.

Он палочки острым ножом обстругал
И мясо кусками на них нанизал.
Собрав прошлогодние ветки курая,
Костер разжигать за скалою он стал.

...Все тихо вокруг и безлюдно. Но вот
Вгляделся мерген: кто-то в гору идет,
Походкою легкой шагает по склону
И сверток какой-то с собою несет.

Стройна. Высоки голенища сапог
Затем, чтоб колючки не жалили ног.
Девичья коса под сверкающей каской,
Цветную ковбойку надул ветерок.

— Айдай, это ты? — тихо молвил джигит.
Лицо от волнения и счастья горит.

— Нет, я не Айдай, я сигнальщица только,
Что с места мергену сойти не велит!

— Айдай! — И он руки простер пред собой. —
Ты послана в горы самую судьбой! —

Айдай улыбнулась, потом аккуратно
Пакет начала разворачивать свой.

Достала кувшин, в нем вино, не вода.
Так вот что несла она в горы сюда!
Скатерку узорчатую расстелила,
И тут же на ней появилась еда.

Казалось, волшебю, сквозь облако сна,
Звучит ее голос нежней, чем струна.
И думал мерген, за Айдай наблюдая:
«Как здесь появиться могла вдруг она?!»

До них доносила струя ветерка
Треск сучьев сухих, аромат шашлыка.
И зорко Айдай то и дело следила
За другом любимого издадека.

— Сергей! — закричала она. В тот же миг.
Сергей из-за горного склона возник.
— Эгей! Вот где вы! — понеслось по ущелью.—
Я вас приглашаю, друзья, на шашлык!

И снова костра разведенного треск...
И впрямь это день небывалых чудес:
Один из земли словно вырос внезапно,
Другая как будто упала с небес!

И, слушая эха далекого гул,
Сергей наш к друзьям неуклюже шагнул
(Не зря называли его «экскаватор»)
И в шутку, с поклоном, Айдай козырнул.

И другу, тайком подмигнувши, сказал:
— Айдай, это он мне шашлык заказал.
Когда бы не ты, я не стал бы сегодня
Гоняться за тучным козлом среди скал.

Схитрил он и ждет, что же скажет Айдай.
И буркнул ему Таштанбек: — Не болтай! —
И тут же подумал, сердясь на Сергея:
«С тобой рассчитаюсь потом, так и знай!»

Айдай усмехнулась без всякого зла
И палочку с жареным мясом взяла.
С улыбкой Сергей обратился к смуглянке:
— Айдай, ну, а как ты в горах нас нашла?

На это Айдай улыбнулась в ответ:
— Поверь, ничего здесь мудреного нет!
Стоит ведь арча на скалистой вершине,
Белеет урюка весеннего цвет!

Арчу не заметить лишь может слепой,
И летом она зелена и зимой!
И тянется сердце к цветенью урюка,
К листве его вешней, умытой росой.

И тут же сказала: — Я выпить хочу
За эту зеленую вечно арчу.
— А я за урюк! — тихо молвил влюбленный. —
За ветки, что тянутся смело к лучу.

Сергей погрустнел: — А за что мне поднять
Свой тост? Не за то ль, чтобы солнцу вставать?

За то ль, чтоб я вновь не свалился в ущелье,
Что вправду могло бы могилой мне стать!

— А ты посвяти человеку свой тост!
— Согласен. Но кто человек тот, вопрос?
Я тост свой поднял бы за близкого друга,
Но как бы мой пламенный тост не замерз!

Конечно! В горах, на вершинах — зима,
И там, у истоков Нарына, — зима.
У девушек здешних сердца холоднее,
Чем в зиму гора ледяная сама.

Сказала Айдай с укоризной: — Сергей,
На что намекаешь ты речью своей?
Не все одинаковы девушки наши,
Сердца их бывают костра горячей!

Бывает любовь их нежна и сильна,
А я вот, по правде сказать, влюблена
Всем сердцем в ту чистую грустную песню,
Которая другом мне посвящена.

От нежности искренней ласковых строк
В душе моей вырос мечтаний цветок.
В него я влюбилась, в того, кто, страдая,
В той песне любовь свою выразить смог.

И эти слова, что сумел он найти,
Куда бы ни шла я, трепещут в груди.
Те строки, как солнце, меня озарили,
Чтоб сердце решилось мое расцвести.

Грустя обо мне, вдохновения пыл
Мерген в эти строки певучие влил
И силу вдохнул в мое девичье сердце,
Так разве не будет он дорог и мил?!

Сомнениям, робости наперекор
Вела меня песня в безмолвие гор,
К зеркальной воде родника Кунь-Булака,
Где я не была никогда до сих пор.

Так знай — не везде на вершинах зима,
Так знай — не везде вдоль Нарына зима,
Возьми свою сказку про холод обратно,
А песня мергена как пламя сама!

И эти стихи, что давно берегла,
Она из кармана ковбойки взяла,
Рукой обняла Таштанбека за плечи
И, мило смущаясь, к себе привлекла.

Была эта ласка нежна, горяча...
Сияя, подобно сверканью луча,
Взглянул на Айдай Таштанбек умиленно,
Коснулся щекой дорогого плеча.

И тут же сказала Сергею Айдай:
— За что ты захочешь, свой тост поднимай!
А я пью за песню, за нежные строки,
За этот родник и за горный наш край!

От сердца поздравил влюбленных Сергей,
И мнилось в тиши горделивой своей,

Им «горько!» кричали Киргизии горы,
И чокались, радуясь счастьем друзей.

И если случалось, что ты на веку
Встречал не однажды в дороге тоску
И хочешь увидеть веселье и счастье,
Отправься в те горы, к тому роднику.

Маликов Кубанычбек Иманалиевич

ГОЛОС СО СКАЛЫ

М., «Советский писатель», 1973, 72 стр.
План выпуска 1974 г. № 273. Художник
С. А. Соколов. Редактор Н. Н. Си-
доренко. Худож. редактор Е. Ф. Ка-
пустин. Техн. редактор И. М. Мин-
ская. Корректор Т. Н. Гуляева. Сдано
в набор 13/VII 1973 г. Подписано к печати
22/X 1973 г. А04216. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1.
Печ. л. 2¹/₄ (3,15). Уч.-изд. л. 2,37. Тираж
7000 экз. Заказ № 432. Цена 26 коп. Изда-
тельство «Советский писатель», Москва
К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская
типография «Союзполиграфпрома» при Го-
сударственном комитете Совета Минист-
ров СССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, г. Тула, проспект
им. В. И. Ленина, 109